

ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ МНОГОЯЗЫЧНОГО РЕГИОНА: ПУБЛИЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ НА УКРАИНСКОМ ПОДОЛЬЕ В НАЧАЛЕ XIX В.¹

Динамика языкового развития Правобережья в XIX в. тесно связана с процессом включения украинских земель прежде всего в политическое, но также культурно-языковое пространство Российской империи, начавшимся фактически после третьего раздела Польши (1795 г.). Нас будет интересовать прежде всего территория Подолья и бывшего Брацлавского воеводства, языковой ландшафт которых в рассматриваемый период поражает как своим многоязычием, так и чрезвычайной динамичностью на самых разных уровнях. Временные рамки статьи охватывают период до 1831 г. — времени польского (ноябрьского) национального восстания, спровоцировавшего ужесточение мер российского правительства по регулированию ситуации, в том числе в языковой сфере.

Важно отметить, что присоединение Правобережья к России на начальном этапе не привело к резким социокультурным трансформациям: включение польской и (полонизированной) украинской шляхты в имперскую сословную иерархию прошло, по крайней мере внешне, относительно безболезненно, не вызвав явных дискриминационных мер [Капеллер 1997: 130–140]. В то же время депутаты местных дворянских собраний — Подольского, а также соседнего Вольнского — неоднократно выказывали свое недовольство политикой Петербурга, сетуя на нарушение сословных привилегий, местных и имущественных прав, а также непризнание польских чинов [Свербигуз 1999: 113–115; 118]. Царские власти, в свою очередь, сочли целесообразным ввести «наблюдение за настроением и поведением чиншевой шляхты

¹ В статье развиваются основные положения статьи [Остапчук 2005], воспроизведенные без моего ведома и согласия Д. Будняк в ее монографии 2005 г.

и помещиков территории, присоединенной к России»². Враждебные настроения части подольского (так же, как волынского и киевского) дворянства, главным образом польского происхождения, приобрели форму открытого противостояния с официальными российскими властями уже в ходе войны 1812 г., выходцы из западных губерний проявили явный интерес также к движению декабристов [Свербигуз 1999: 120, 122]. Так, незадолго до восстания 1825 г., в ходе совместного съезда «Южного общества» декабристов (штаб которого размещался в подольском Тульчине) и Польского патриотического общества, прошедшего под Киевом, в частности, были озвучены идеи создания славянской конфедерации³. Именно здесь в защиту третьей славянской нации — «малороссов» якобы выступил подольский поэт с польскими корнями и украинофильскими взглядами Т. Падурра [Михальчук 1914: 83]. Предположительно, именно знакомство с поляком-украинофилом стало для К. Рыльева толчком к написанию «Дум» и поэмы «Войнаровский» [Єфремов 1918: 13]. В свою очередь, якобы именно по просьбе русских декабристов С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина, Т. Падуррой была написана «боевая песнь на малорусском наречии» под названием «Рухавка» [Щурат 1968: 80; О *życiu* 1874]⁴. Кстати, слово «Рухавка» для обозначения общественных волнений было прямо перенесено в украинский текст из польского языка⁵.

Особо следует отметить, что изменение политических границ и включение Правобережья в имперскую систему существованию не повлияло на структуру общества: дворянство довольно долго остается если не польским, то польскоязычным⁶, в среде мещанства и купечества сохраняется высокий процент евреев и немцев, также владеющих польским языком⁷. Это объясняет тот факт, что польский язык, по крайней мере до ноябрьского восстания 1830–1831 г., прочно сохраняет свои позиции как язык высоких коммуникативных функций и свой

² Вінницький державний обласний архів — далее: ВДОА. Ф. Д-678. Оп. 1. № 67.

³ О славянофильских идеях декабристов и концепции украинской автономии в этот период, в том числе членов Кирилло-Мефодиевского братства, см. [Єфремов 1926: 4].

⁴ Биография поэта была составлена В. Пшиборовским на основе данных, предоставленных ему М. Васютинским; она предвещает посмертное издание произведения Падурры.

⁵ *Ruchawka* — разг. 'rozruchy, niepokoje społeczne' — общественные волнения: Słownik języka polskiego, интернет-ресурс, режим доступа: <https://sjp.pwn.pl/sjp/ruchawka;2518016.html> (дата обращения 23.09.2017).

⁶ О структуре общества на Правобережье и месте в нем русского дворянства см. [Миллер 1997: 147].

⁷ Анализ коммуникативного потенциала и сферы использования идиш и немецкого заслуживает отдельного исследования.

социальный престиж, вопреки распространенному мнению среди украинских лингвистов [Плющ 1971: 12]. Своеобразная административно-культурная автономия западных губерний в царствование Павла I, а затем и Александра I, выражавшаяся, в частности, в сохранении за выходцами из местной шляхты ключевых позиций в органах самоуправления, судопроизводства и т. д.⁸, создавала условия для беспрепятственного функционирования польского языка в публичной коммуникации. В судопроизводстве присоединенных западных губерний польский язык используется фактически параллельно с официальным языком империи — русским, тем более что судьи выбираются из местной шляхты, да и судебные служащие прошли через систему польского в своей основе образования. Когда же оказалось, что в созданном для Подольской, Волынской и Киевской губерний в 1801 г. Житомирском надворном суде большинство составляют русские служащие и дела ведутся на русском языке, это явилось причиной многочисленных жалоб [Свербигуз 1999: 126–128]. Прошения дворян западных губерний возымели свое действие: в 1806 г. высочайше утверждается решение общего собрания правящего Сената, позволяющее вести судебные дела по-польски в магистратах и местных судах, а в Главных судах параллельно на польском и русском языках [Там же: 129]. Известно, что делопроизводство также остается по преимуществу польскоязычным: так, в 1823 г. родословная книга дворян Подольской губернии по-прежнему составлялась на польском языке, и даже спустя шесть лет не нашлось средств для ее перевода на русский язык [Там же: 114]. Важнейшие правительственные документы (в их числе жалованные грамоты дворянству и городам) также публиковались с параллельным текстом на русском и польском языках⁹. Вся официальная документация, в том числе в сфере образования, также велась по-польски, включая личные дела учеников Винницкой гимназии, где не только официальные свидетельства об окончании классов и похвальные листы, но и все прошения от имени учащихся оформлены по-польски¹⁰. Как видно, декларированный еще в конце 90-х годов XVIII в. перевод делопроизводства на русский язык оставался в течение нескольких десятилетий мерой чисто внешней и не предполагал устранения польского языка из публичной сферы.

⁸ О специфике инкорпорации западных губерний в имперскую систему см. [Thaden 1984: 35, 53, 68, 78, 124; Velychenko 1992: 131–133]. Ср. замечания П.Н. Батюшкова о продолжении политики «ополячивания» в этот период [Батюшков 1891: XV].

⁹ ВДОА. Ф. Д-678. Оп. 1. № 2.

¹⁰ См., например: Личные дела учеников Винницкой гимназии. ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. № 125. Л. 346–842.

Этому способствовала также традиционная издательская практика. После присоединения Правобережья к Российской империи в связи с необходимостью обеспечить присоединенные губернии печатной продукцией на русском языке возникают типографии при городских магистратах и других «присутственных местах», в том числе при судах, одна из старейших — при Житомирском главном суде (гражданская типография существует с 1753 г.). В Тульчине с самого начала XIX в. функционирует типография главного штаба 2-й армии, где печатаются в основном официальные бумаги внутреннего пользования: приказы, распоряжения, документы об увольнении личного состава, наградах и т. д. [Петров 1956]. В 1807 г. в Каменце-Подольском начинает действовать типография губернского правления, там же в 1830-е годы издаются официальные «Подольские губернские ведомости» на русском языке, выходявшие вплоть до 1917 г.¹¹

В условиях практикуемого в официальной сфере польско-русского двуязычия гражданские типографии издают книги как на русском, так и на польском языках. Так, казённая типография в Бердичеве (существует с 1760 г.) дважды — в 1780 и 1794 гг. выпускает «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» с параллельным текстом на русском и польском языках. Известно, что в Бердичеве печатались также польские учебники для первых классов католических приходских школ. Для издания необходимых документов и учебников привлекаются также типографии, специализирующиеся на издании духовной литературы (часто церковным кириллическим шрифтом), действовавшие при монастырях. С конца XVIII в. точно известно о существовании православной типографии в Могилеве-Подольском, созданной в 1795 г. по инициативе молдавского протопопа Михаила Стрельбицкого [Подольские типографии 1903: 1383–1384]. Сохранились сведения и о деятельности «славянской» типографии при женском Вознесенском монастыре в г. Виннице, просуществовавшей вплоть до 1835 г.¹² Главное церковное издательство Правобережья — Почаевское при Успенском (василианском) монастыре¹³ заполняло нишу духовного чтения, предназначенного как для униатов, так и для православных, выпуская, среди прочего, и популярную литературу для народа, как например, знаменитый «Богогласник», несколько раз переиздававшийся в 1790-х годах и представлявший собой своеобразную антологию украинских, польских и латинских песен духовного

¹¹ Историю книгоиздания на Подолье см. [Подольские типографии 1903: 1379–1382].

¹² Упоминание об этом см. [Описание 1863: 310].

¹³ Исследованию издательской деятельности Почаевской типографии посвящена большая литература, см., в частности, [Исаевич 2011; Лось 2013: 139–143] и др.

содержания¹⁴. Впрочем, язык популярных изданий получает неоднозначные оценки специалистов: так, например, «Книжица для господарства» расценивается некоторыми исследователями едва ли не как одно из первых произведений на народном украинском языке [Лось 2013: 140]; неизменно подчеркивается и связь языка почаявских изданий с традицией литературы на «простой мове», как это показывает на примере катехизиса «Науки парохияльные» от 1794 г. авторитетная польская специалистка по этому периоду Й. Гетка [Getka 2012]. Получив по указу 1800 г. право, помимо духовной литературы, печатать по особому распоряжению цензуры светские произведения на польском языке [Лось 2013: 142], типография включилась в издание учебной литературы. Так, именно в Почаеве в 1809 г. увидела свет составленная М. П. Бутовским «Грамматика российского языка в пользу польского юношества в Волынской гимназии» [Книги 1971] — книга с названием, продублированным по-польски «Gramatyka języka rosyjskiego dla użytku młodzieży polskiej w Gymnazyum Wołyńskiem» и с параллельным текстом на двух языках [Бутовский 1809]. Это двуязычное издание представляет собой прекрасную иллюстрацию языковой ситуации того времени: несмотря на то, что текст сознательно был составлен на двух языках, что призвано было уравновесить их статусы, очевидно, что именно польский язык являлся первым и основным для М. П. Бутовского. Об этом свидетельствуют как характерные переводческие трансформации¹⁵, так и стилистический характер фрагментов текста: в ряде случаев на месте разговорных и нейтральных польских фраз отмечаются искусственные и стилистически явно им не соответствующие русские¹⁶. Из польской грамматики О. Копчинского, на которую как на образец прямо ссылается автор труда, были перенесены некоторые термины (например *двугласные (notaенные) ср. dwugłoski* применительно к я, ю, е, ъ, приравненное к польскому *ie*), фонетическое

¹⁴ О распространении этого униатского издания в том числе и на левом берегу Днепра см. [Franko 1892: 721–723].

¹⁵ Речь здесь может идти как о сокращении текста за счет изъятия стилистических фигур речи, как в случае характеристики Петра I: *Ten mądry monarcha, który nową północą nadał postać* ср. *Мудрый образователь севера* (с. 7–8 введения); так и о наличии в русском переводе ряда калек, в том числе синтаксических: *Przysłówek dla tego tak jest nazwany, że się po większej części kładzie przy słowie, kładzie się jednak czasem i przy imieniu* ср. *Наречие или надглаголие потому так называется, что по большей части **поставляется** при глаголе, иногда же **полагается** оно и с именами* (с. 81–82).

¹⁶ Достаточно сравнить примеры, приводимые в качестве иллюстраций грамматических правил и объяснений, например: *Budynek przecudnie ustawiony* ср. *Строение преудивительно сделано* (с. 78–79); или сравнить стилистическую адекватность междометий (называемых *междометиями*) в таких контекстах: *Ach! Jak że to straszno / Ux! Как это ужасно!* (с. 69–70).

значение русских букв также объясняется через польский язык; только приложение написано полностью по-русски и содержит образцы стихотворений русских поэтов эпохи классицизма. Известно также об издании в Почаеве в 1818 г. «Букваря» с поучениями, оформленными в стихотворной форме [Лось 2013: 141].

В целом можно констатировать, что русификация в данный период носит по большей части декларативный характер, что дает основания для характеристики ее как внешней и сугубо административной¹⁷. Например, при выборе священников для служения в правобережных монастырях и храмах предпочтение отдавалось выходцам из местного населения или малороссийских уездов, а не великороссиянам, более того, от них требовали не только достаточного уровня образования и соответствующих моральных качеств, но и знания польского языка [Лось 2013: 75]. Правда, в чиновничьей среде постепенно увеличивается количество русских служащих, однако они долгое время воспринимаются как представители «чужого» мира и по своему языку, и по воспитанию. Ситуация кардинально меняется лишь после польского восстания 1830–1831 гг., вызвавшего целый ряд репрессивных мер, в том числе и решительное вытеснение польского языка из официальной сферы.

Польско-русский культурный билингвизм отмечается и в такой важной сфере публичной коммуникации, как образование. В целом период до 1830 г. в сфере образования может быть охарактеризован как культурное соперничество между польским и русским языками при фактическом польском доминировании¹⁸. После включения Правобережья в Российскую империю царское правительство оказалось перед фактом наличия на данной территории уже сложившейся системы образования — польской. Создание сети школ низшего уровня, связанное с деятельностью Эдукационной комиссии, относится к 80-м годам XVIII в., впрочем, их численность была явно недостаточной. По данным визитаций, в 1805 г. в Подольской губернии насчитывалось всего 16 приходских (католических или униатских) школ, где обучались 268 учеников; в 1811 г. их было соответственно 24 и 488 учеников, а в 1822 г. — 43 и 828 учеников [Beauvois 1991: Tab. 27. S. 376; Tab. 30. S. 401]¹⁹. К началу XIX в. на территории Подольской и Волынской губерний существовала также сеть средних учебных заведений: из них семь академических школ состояли на содержании

¹⁷ Термин «административная русификация» использован впервые Э. Таденом [Thaden 1984].

¹⁸ Ср. характеристику периода 1793–1831 как польско-русскую борьбу за господство в сфере образования на Волыни [Джаман 1999: 3].

¹⁹ О приходских школах см. также [Beauvois 1991: 321–323, 327–328, 408].

государства, а девять существовали на частные пожертвования при монастырях [Zasztowt 1997: 203–298; Beauvois 1991: 18]. Организация школ — как среднего так и низшего уровня — являлась одним из важнейших и едва ли не единственным после присоединения Правобережья к Российской империи направлением культурно-просветительской деятельности униатского монашеского ордена василиан (базилиан) [Лось 2013: 131]. Как правило, при крупных монастырях (Винница, Бершадь, Каменец-Подольский) действовали учебные классы для послушников («новициат»), предполагающие обязательное чтение старых «руських» рукописей, т.е. практическое освоение церковнославянского языка. При содействии меценатов василяне содержали средние школы, преимущественно для детей шляхты; известно о существовании таких школ во Владимире-Волынском, Шаргороде (открыта в 1749 г. на средства Ст. Любомирского), Умани (открыта в 1764 г. при поддержке Фр. Потоцкого)²⁰, Баре [Описание 1875]. По решению Эдукационной комиссии, к ордену перешли также бывшие иезуитские школы в Житомире, Кременце, Каменце-Подольском и других городах Правобережья, и василяне активно включились в реализацию разработанной комиссией образовательной программы [Біднов 1995: 56–59]. Проводимая василянами концепция образования была в основе своей польской и полоноцентричной (особенно это касается средних учебных заведений), однако в униатских школах происходило также знакомство учащихся с традиционным корпусом православной литературы на церковнославянском языке, что само по себе имело важное значение для формирования принципиально многоязычного коммуникативного опыта. Так, по воспоминаниям учеников Уманской василянской школы, «богослужение, на которое ежедневно ходили ученики в школьную часовню, проводилось по униатскому обряду, т.е. по-церковнославянски, только проповеди и разные церковные песнопения были польскими, молитвы же обычно произносились на латыни»²¹.

Подолье и Волынь вместе с бывшими белорусскими и литовскими землями Речи Посполитой в 1803 г. вошли в состав Виленского

²⁰ К 1830 г. — моменту закрытия — в ней насчитывалось до 800 учеников в семи классах, преимущественно детей местной шляхты, об Уманской школе см., в частности, [Кузнец 2000: 10–13].

²¹ «Nabożeństwo, na które codziennie chodzili uczniowie (m.in. Bohdan Zaleski) do kaplicy szkolnej, odprawiało się w obrządku unickim, a więc w języku słowiańskim, tylko kazania i różne śpiewy kościelne były polskie, litanie zaś odmawiano zwykle po łacinie» [Tretiak 1911: 36, 103] (здесь и далее перевод с пол. мой. — О. О.); здесь приведен фрагмент из воспоминаний Ю. Б. Залеского — одного из ярких представителей «украинской школы» в польской поэзии.

учебного округа, попечителем которого стал кн. А.Е. Чарторийский, бывший также куратором Виленского университета. Руководство деятельностью гимназий осуществлялось при содействии инспекторов-визитаторов. Визитатором Подольской, Волынской, а также Киевской губерний с 1803 по 1812 г. был другой не менее известный деятель польского национального движения, Т. Чацкий. Это ему принадлежат слова: «*Już nie masz Polski, zachowajmy język*» — «*Уже нет Польши, сохраним же язык*». Именно по его инициативе в 1805 г. в Кременце создается Волынская гимназия, которая позже была преобразована в лицей — второй в России после Царскосельского²². По мысли Чацкого, лицеем предстояло стать элитарным высшим учебным заведением с 10-летним сроком обучения, и тем самым сделаться основным центром образования на правобережных землях, составив конкуренцию Виленскому университету и тем самым закрыв вопрос о русском университете в Киеве вплоть до 1832 г.²³ Достаточно сказать, что книги для библиотеки лицея поставляет Краковский университет, возможно, также Варшавское общество друзей науки и другие польские культурные и издательские центры [Beauvois 1991: 300, 324–326]. Известно также о щедрых частных пожертвованиях для библиотеки Кременецкого лицея [Булатова 1997], о заимствованиях из монастырских библиотек [Лось 2013: 131]. Учебники для Кременецкого лицея печатались также в местной типографии [Beauvois 1991: 300, 304, 363], как известно из переписки Т. Чацкого, была достигнута договоренность и об издании польских книг в церковных типографиях Почаева и Луцка, возможно, именно благодаря этим договоренностям был напечатан уже упоминавшийся учебник М. П. Бутовского.

Сохранение польской в своей основе системы образования на Правобережье создавало условия для своеобразной языковой и культурной автономии западных губерний и укрепляло позиции польской культуры как альтернативы культуре русской, в том числе в публичной коммуникации. Общность научно-образовательного пространства на всей территории бывшей Речи Посполитой поддерживалась, среди прочего, благодаря налаженной системе распространения книг и периодических изданий. Преподаватели, в большинстве своем сами выпускники польских гимназий и Виленского университета, связанные по своему происхождению с Правобережьем (как и Т. Чацкий), способствовали этому [Beauvois 1991: 18–32]. Сохранение в крае польского языка обосновывалось с точки зрения политической целесооб-

²² О деятельности Т. Чацкого в деле организации образования в Западном крае, а также о его образе в польской и русской публицистике и мемуаристике см. [Булкина 2011: 250–259].

²³ О «польской партии», заблокировавшей идею русского университета в Киеве в начале XIX в. см. [Булкина 2012: 75–76].

разности: «Языку польскому в учебных заведениях царства надо учить наравне с русским. Если мы будем учить ему недостаточно, то поляки будут доучиваться ему дома гораздо с большим рвением и успехом, как то бывает со всяким запрещенным предметом, и мы не только не достигнем своей цели, но еще более отдалимся от нее и сверх того будем вооружать тайных врагов... Но нужно водворять, как то уже делается, учение русского языка — это другое дело. Всякий поляк должен знать по-русски» [Отрывок 1867: 29–30].

Университетский устав 1804 г. предусматривал, что обучение в учебных заведениях всех четырех уровней (приходских и уездных училищах, губернских гимназиях и университетах) должно вестись исключительно по-русски [Очерки 1973: 392]. Однако фактически на Правобережье в школах среднего звена доминировал польский язык и использовались несколько откорректированные программы Эдукационной комиссии. Так, некоторые изменения произошли в наборе дисциплин для учащихся академических школ (последние позже были преобразованы в гимназии), к польскому и латыни добавились новые языки: русский и греческий, как отдельный предмет была введена русская словесность. Одновременно за учебными заведениями устанавливается строгий надзор со стороны властей, идет постепенный пересмотр программ. Однако в документах того времени то и дело возникают жалобы на «недостаток в хороших учителях российского языка» [Отчет 1898: 675]. Кроме того, тех учебных заведений, которые действовали при монастырях (чаще всего это были именно василиане), реформа вообще не коснулась; например, василианские школы в Баре и Малеевцах фактически в неизменном виде просуществовали вплоть до 1828 г. [Подолія 1891: 62–67, 228–232], можно предположить, что так же обстояло дело и с другими униатскими школами разного уровня.

Реорганизация системы польских учебных заведений в соответствии с новыми требованиями растянулась на десятилетия и завершилась фактически только к середине 1820-х годов. Так, в Подольской губернии к этому времени на базе католических и униатских приходских школ были образованы 59 приходских училищ. На основе четырех бывших академических школ начали действовать уездные училища: Гайсинско-Брацлавское (Немиров, 1815), Летичевское (Меджибож, 1819), Могилевское (Бар, 1819), Каменецкое (Каменец-Подольский, 1825)²⁴. Вершиной системы образования являлась губернская

²⁴ О судьбе Каменецкой коллегии, основанной в XVIII в. иезуитами, действовавшими под покровительством местного судьи М. Радецкого, затем перешедшей в подчинение Краковской академии, после присоединения к Российской империи имевшей статус училища, и наконец в 1832 г. ставшей основой губернской гимназии см. [Памятная книга 1859: 14].

гимназия (Волынская гимназия в Кременце и Подольская гимназия в Виннице, позже переведенная в Каменец-Подольский), директор гимназии также осуществлял надзор за всеми учебными заведениями округа.

Основной контингент учащихся школ среднего звена, окончание которых давало право поступления в университет, в данном случае — Виленский, составляли выходцы из шляхты, польской или полонизированной. В Каменце-Подольском, например, соотношение учащихся было таким: 229 католиков и всего 12 православных, в Немирове из 296 учеников — 236 католиков, 38 православных, 10 униатов, 12 протестантов, в Меджибоже из 293 учеников — 261 католик, 25 православных, 4 униата, 2 протестанта, 1 иудей, в Баре из 500 учеников — 436 католиков, 46 православных, 16 униатов, 2 протестанта. Дополняли систему образования частные институты и пансионы для благородных девиц — знак нового времени (Пансион г-жи Бессон²⁵ и Мончинской в Виннице, Гензель в Меджибоже, Гонзаль в Немирове, Коморовской в Каменце-Подольском). Статистика показывает, что и здесь преобладали католики²⁶, фиксируя тем самым факт несовпадения демографического и коммуникативного потенциала языков, сосуществующих в данном культурном пространстве. Украинцы, составлявшие большинство населения на этих территориях, как видно, имели лишь ограниченный доступ к учебным заведениям: элита — к польским гимназиям и академическим школам, крестьянство — к школам приходским, однако их процент в общей массе учащихся был очень низким. Так, согласно данным об учащихся Винницкой гимназии и городской приходской школы в 1825 г. из 171 учащихся лишь один был униатом, двое — сыновьями (православных) священников, один из мещанского сословия (еврей?), один протестант (немец?)²⁷. Скорее как исторический курьез, подтверждающий общее правило о невозможности сословно-этнической эмансипации (даже при успешной культурно-языковой ассимиляции), выглядит история С. Н. Олейничука (1798–1852), крестьянина из с. Антонополь Винницкого уезда на Подолье, который тайно окончил Подольскую гимназию в Виннице (1818–1824), затем в течение 15 лет под чужим именем учительствовал на Волыни и в Белоруссии, преподавая польский язык и латынь. После возвращения в 1839 г. на

²⁵ См. о ее деятельности, составе учениц и наборе предметов: *Książka do zapisywania wiadomości o Pannach, umieszczonych na Pensyi w mieście Winnicy przez J. Pannę Małgorzatę Besson*. ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. № 113.

²⁶ Рапорт директора Винницкой мужской гимназии и директора Подольских училищ о состоянии училищ в губернии: ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. № 168.

²⁷ *Księga wpisowa uczniów gimnazium podolskiego i szkół powiatowej i parafialnej Winnickiej wedle nowego urządzenia szkół w r. 1825.*: ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. № 113.

Подолье был подвергнут суду, в 1845 г. отпущен помещиком на свободу, после чего смог уже официально продолжить учительствовать. Любопытна в этом контексте дальнейшая эволюция его взглядов: поводом для повторного ареста в 1849 г. стало участие в народнической деятельности [Сергієнко 1971: 276–283].

Первые попытки нарушить культурно-языковую автономию округа предпринимаются уже в 1810 г. На уровне правительства разрабатываются меры, способные «распространить в провинции русский язык и сделать его предметом обучения, доминирующим над остальными». Предполагается, в частности, введение штрафов за отказ от обучения русскому языку, однако из-за приграничного положения западных губерний и возможного недовольства столь суровые меры откладываются «до более благоприятного времени» (цит. по [Beauvois 1991: 361]). Прекрасной иллюстрацией того, как эти решения внедрялись в жизнь, является деятельность организованной в 1814 г. Подольской мужской гимназии, созданной на базе академической школы в Виннице (в свою очередь, наследнице капуцинского коллегиума). После преобразования число классов в ней увеличилось с четырех до шести, были учреждены два подготовительных класса, но польский язык был сохранен не только как язык преподавания. Именно по-польски оформлялись протоколы заседаний школьных советов и акты экзаменов, в которых, в частности, излагалось содержание программы по русскому языку для 1–3 классов гимназии²⁸. По-польски произносили речи руководство гимназии и учителя на открытии и закрытии учебного года, на торжествах по случаю инаугурации или награждения лучших учеников. Об этом, в частности, сохранились упоминания в дневнике, составленном анонимным сотрудником гимназии и посвященном событиям 1814–1817 гг.²⁹ Язык этой рукописи в целом соответствует нормам польского языка того времени, хотя и содержит немногочисленные, но явные региональные черты³⁰. Библиотека гимназии считалась одной из лучших в округе: ее основу составили книжные собрания бывших иезуитских (польских) коллегий, в частности каменецкой [Памятная книга 1859: 14]. В дальнейшем библиотека пополнялась в соответствии с заказами директора гимназии из Петербурга (в заказах фигурируют все наиболее популярные русские периодические издания: «Сын

²⁸ См. фонд Подольской мужской гимназии: Acta examinów szkolnych odprowadzonych w marcu 1816 г. ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. № 33. Л. 300. Treść nauki języka rosyjskiego w kl. 1 w 1–2 kwartale. Лл. 329–331. Treść nauki języka rosyjskiego w klasie 2 i 3. Аналогичный пример представляет академическая 6-классная школа в Баре [Описание 1875].

²⁹ Дело о ежедневных случаях в гимназии: ВДОА. Ф. 849. Оп.1. Д. № 14. Dziennik wydarzeń podolskich.

³⁰ Подробный лингвистический анализ источника см. [Ostapczuk 2001].

Отечества», «Вестник Европы», «Русский инвалид», «Северный архив»), но в основном из Вильно и Варшавы: именно отсюда поступали основные учебники, а также польская научная и художественная литература и периодика³¹. Прессе принадлежала особая роль в поддержании связи с «метрополиями», так, в упомянутом дневнике содержатся переписанные от руки статьи о местной гимназии из польских газет: это были «Gazeta Korespondenta Warszawskiego i Zagranicznego» (№ 86. 25.10.1814) и «Kurier Wileński» (статьи за 1817 г.), а также набросок статьи, предназначенной для печати, очевидно, также в польском издании.

Перелом в образовательной политике центра наступает с середины 1820-х годов. В 1824 г. производится смена руководства Виленским учебным округом, за этим последовала реформа Виленского университета и учебного округа в целом. С 1823 г. обязательными в школах всех уровней становятся занятия по православной религии, а в польских гимназиях католического священника сменяет православный [Beauvois 1991: 331–336]. С 1828 г. согласно новому школьному уставу вводятся единые для всех учебных заведений империи программы и учебники, русский язык, а затем и история России становятся обязательными предметами во всех учебных заведениях [Bieleński 1899–1900: 546; Zasztowt 1997: 280–298].

Польское восстание 1831 г. положило конец легальной польско-русской конкуренции в культурно-языковой сфере на Правобережье. В числе репрессивных действий властей была фактическая ликвидация системы польского образования: в 1832 г. закрывается ее центральное учреждение — Виленский университет, а вместе с ним и гимназии и большинство академических школ, не стали исключением и пансионы для девочек, которые оценивались как «очаги латинско-польской пропаганды» [Подолія 1891: XX]. На базе ликвидированного Кременецкого лицея создается русский университет св. Владимира в Киеве, одной из задач которого являлось противодействие польскому влиянию в крае. В Виннице вместо закрытой польской гимназии открывается русская (1832–1847 гг.). В течение 1837–1839 гг. ликвидируются приходские школы, часть средних школ при монастырях, в том числе униатских, преобразуется в православные семинарии, как, например, в Шаргороде. В то же время появляется ряд новых русских гимназий и начальных школ, например, в Немирове. Прорусская переориентация всей системы образования становится главным направлением деятельности правительства. Увеличивается число недельных занятий по русскому языку, устанавливается ряд льгот для его преподавателей [Там же: 239]. Однако наладить эффективную систему

³¹ Acta prenumeraty gazet i pism peryodycznych. 1822. Vol. II: ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. Д. № 29. См. также: Spis książek biblioteki Gymnazium Podolskiego. 1819–1825. ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. Д. № 51.

начального образования на Правобережье российскому правительству так и не удалось, несмотря на то, что у русской школы был мощный союзник в лице православной церкви. Причина крылась в недостатке как средств, так и русских учителей, способных заменить поляков, — а отсюда мизерное количество школ, а также отсутствие продуманной программы народного просвещения. Школа действительно стала по преимуществу русскоязычной, однако эффективность ее была крайне низкой. В 1834 г. в средних учебных заведениях Подольской губернии работал всего 81 учитель, что давало наихудшее в империи соотношение к количеству учеников (1:631) [Шип 1991: 51]. Даже спустя 20 лет в 1856 г. ситуация в целом не меняется: в Подольской губернии действуют 143 школы, где обучалось 4 432 учащихся (0,25 на 100 душ) [Біднов 1995: 63–64].

Завершение периода культурного двуязычия в практике книгопечатания приходится также на 30-е годы XIX в. и непосредственным образом связано с резким изменением курса издательской политики правительства. К этому времени большинство польских типографий, и прежде всего частных³², ликвидируются³³, а вместе с этим сокращаются и возможности для наполнения книжного рынка местной печатной продукцией. Именно к этому времени относится уничтожение типографии в Житомире, где печатались, в частности, буквари и популярные книги для народа. Известно, что ее фактическим основателем и главным меценатом был выпускник Подольской гимназии и Кременецкого лицея, литератор А. Гроза: «Он старался, чтобы книги были как можно дешевле, чтобы их больше читали среди бедноты. Когда предприятие было уничтожено, члены издательства отданы под суд, и конфискованы, изъяты книги, больше всех пострадал Гроза как самый известный и самоотверженный»³⁴. Язык империи — русский — ста-

³² В XVIII в. на территории нынешней Винницкой области действуют три частные польские типографии: в Ярышеве Могилевского уезда и в Тульчине при поддержке Потоцких, а также типография Валериана Дзедушицкого в Мильковцах Ушицкого уезда, где шляхтич печатал собственные законы, постановления и латинские проповеди для своих крестьян [Подольские типографии 1903: 1385]. О десятках подобных инициатив в XIX в. см. [Erszstein 2005].

³³ См., например, «Дело Количева, жителя м. Янова», которому в 1809 г. было предъявлено обвинение в том, что он печатает «секретно и без цензуры книги польские к богомолию, как и свои раскольничьи и оные продает»: ВДОА. Ф. Д-604. Оп. 1. № 6, а также «Дело о запрещении жителю г. Литина Количеву содержать типографию (1821–1826)»: ВДОА. Ф. Д-604. Оп. 1. № 28.

³⁴ «Usiłował, aby były majtańsze, aby ich najwięcej wśród ubogich klas czytano. Gdy zostało to przedsięwzięcie zniesione, członkowie wydawnictwa oddani pod sąd, i skonfiskowano, zabrano książki, drukarnię, najwięcej ucierpiał Gроза, bo był najsłynniejszym i siebie zawsze poświęcał» [Helleniusz 1876: 332].

новится фактически единственным языком светского книгопечатания, подобно тому, как стандартный церковнославянский язык господствует в изданиях духовного содержания, в которых к тому же нередко используется церковный шрифт³⁵.

Воспоминания современников помогают установить, как соотношение языков в публичном пространстве влияло на их статус и престиж в языковом сознании. В этом смысле особо следует отметить отношение к русскому языку в польских шляхетских семьях, где дети часто получали также домашнее образование. Так, еще один известный поэт «украинской школы» в польской поэзии С. Гошинский вспоминает не только о своих домашних учителях по латыни, немецкому и французскому языкам, но и утверждает, что «сам по букварю научился читать по-церковнославянски и по-русски»³⁶. Одновременно в дневниковых записях его современников обнаруживаем многочисленные свидетельства нежелания изучать русский язык в школах: «Учителя языков были всегда какими-то чудаками, которые вместо уважения вызывали смех... Посему языков не учили, тем более русского. Что до русского языка, то мы его не учили из ненависти к Москве, был обычай ходить на этот язык из высших классов в низший, а учителям отвечать резко и шалить, и как-то это все сходило с рук»³⁷. Впрочем, обучение русскому языку, видимо, все же приносило свои плоды, как это показывает, например, случай, описанный биографом польско-украинского поэта более позднего периода А. Шашкевича: «Задержанный во время рейда (в ходе восстания 1863 г. — О. О.) московским офицером, Шашкевич, с московским акцентом уверенным тоном смело сказал “Патруль девятой дивизии”³⁸. Скорее, не соответствуют действительности также упоминания в дневниках о том, что дворянство якобы вообще не читало русских книг. Русских печатных изданий в шляхетских библиотеках на Правобережье действительно было гораздо меньше, чем польских и французских, однако это не значит, что их

³⁵ О возрождении церковного шрифта в русской духовной литературе в царствование Николая I см. [Живов: 467–493].

³⁶ «Sam z bukvara nauczył się czytać język cerkiewny i po rosyjsku» [Goszcyński 1924: 21].

³⁷ «Nauczyciele języków byli to zawsze jacyś dziwacy, zamiast szacunku wzbudzający śmieszność... Toteż języków mało się uczono, a po moskiewsku wcale nic. Co do moskiewskiego języka, tośmy się go nie uczyli z nienawiści ku Moskwie; był zwyczaj chodzić na ten język z klas wyższych do najniższej, a nauczycielowi ostro się stawić i figle płatać; i jakoś to wszystko uchodziło...» [Jełowicki 1970: 19].

³⁸ «Podczas wyprawy zatrzymany przez oficera moskiewskiego Szaszkievicz nie namyślając się z akcentem moskiewskim i tonem pewności powiedział śmiało: Patrol (!) dziewiątej dywizji» [Pieśni 1890: 17].

не было вовсе, как это отмечает Т. Эпштейн, исследовавший частные книжные собрания того времени [Ersztein, 2005].

Еще более противоречивы свидетельства, связанные с использованием языка подавляющего большинства населения Правобережья — украинского, фактически отсутствующего в публичном пространстве. Так, например, биограф уже упоминавшегося подольского поэта Т. Падурры сообщает, что в годы учебы (еще в Подольской гимназии) он якобы общался с соучениками исключительно по-украински: «Знали его все хорошо, ведь он всегда напевал украинские мелодии и обычно в беседах с друзьями употреблял только украинское наречие. К наречию этому испытывал он уже с младенчества особую тягу: любимейшей забавой его было слушать пересказы древних легенд на “руськом” языке и стоны украинской лиры»³⁹. Интересные наблюдения в связи с популярностью польско-украинского творчества так называемых торбанистов на Волыни и Подолье формулирует литературный критик того времени Е. Прусиновский: «Черная краски и настроение для своих песен в неисчерпаемом богатстве украинских дум и непосредственно сталкиваясь с украинским народом, и даже употребляя наполовину польский, наполовину украинский языки, они создавали, неосознанно, возможно, своеобразное равновесие в этих двух провинциях Польши, благодаря чему весь цикл песен периода торбанистов, еще больше, чем у лирников и бандуристов, был связан с польской стихией, проникающей все больше и больше в поэтические и мифологические памятники украинской народной литературы. В целом мы вынуждены признать, что торбанист не был уже результатом потребностей и жизни народа, а лишь свидетельствовал о том, что взоры живущей на Украине шляхты обратились к обычаям и вкусам местных жителей»⁴⁰. Примечательно, что некоторые из стихотворений, принадлежащих перу польских по своему происхождению авторов, стали по-настоя-

³⁹ «Znali go dobrze wszyscy, gdyż wyśpiewywał im zawsze rzewne melodye ukraińskie i używał zazwyczaj w rozmowie z kolegami tylko narzecza ukraińskiego. Do narzecza tego nabrał bowiem już od małości szczególniejszego pojęcia: najulubieńszą jego zabawą było, przysłuchiwać się opowiadaniom dawnych podań w języku ruskim i ‘jękom liry ukraińskiej’» [O życiu 1874].

⁴⁰ «Czerpiąc zaś barwę i nastrój do swoich pieśni w nieprzebranem bogactwie dum ukraińskich i stykając się bezpośrednio z ludem, a nawet używając na poły polskiego i ukraińskiego języka, stanowili, bez wiedzy może, punkt równowagi dwóch prowincyj Rzeczypospolitej, przez co cały cykl pieśni z okresu teorbanistów, silniej jeszcze niż dwóch poprzednich, lirników i bandurzystów, zbratany jest z żywiołem polskim, przenikającym coraz bardziej poetyczne i podaniowe pomniki ludowej ukraińskiej literatury. W ogóle jednak przyjść musimy do uznania, że teorbanista nie był już wynikiem potrzeb i życia ludu, a tylko świadczy o zwrocie wyobrażeń zamieszkałej na Rusi szlachty do nawyków i upodobań miejscowych» [Prusinowski 1861: 194].

шему народными украинскими песнями, пройдя процесс так называемой “фольклоризации” через утрату авторской принадлежности: так, например, произошло с песней «Гандзя» Д. Бонковского и песней о Кармалюке Я. Комарницкого, а также, возможно, с песней «Соколы», которую приписывают перу того самого Т. Падурры. Более того, коммуникативная эмансипация украинского языка на Правобережье происходит впервые именно благодаря деятельности польских пропагандистов: именно они предпринимают первые попытки введения украинского народного языка по крайней мере в «квази»-публичное пространство, пытаясь распространять рукописные (в 1831 г.) — а позже и печатные (1848 г.) воззвания к крестьянству с призывами к участию в восстании под польским флагом [Остапчук 2010]. В то же время приходится констатировать, что их усилия не привели к кардинальному изменению ситуации в публичном пространстве: языки, наиболее распространенные на Правобережье в начале XIX в. (если учитывать количество их носителей, а именно украинский и идиш) фактически отсутствуют в сфере официальной/высокой коммуникации и языковом ландшафте региона, сохраняя за собой сферу повседневного бытового общения в рамках этнических групп.

Литература

Батюшков 1891 — *Батюшков П. Н.* От издателя // *Петров Н. И.* Подолия. Историческое описание. СПб., 1891.

Біднов 1995 — *Біднов В.* Школа і освіта на Україні // *Українська культура.* Київ, 1995.

Булатова 1997 — *Булатова С.* Книжне зібрання Яблоновських у бібліотеці Кременецького ліцею // *Наукові записки НАНУ. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського.* Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ, 1997. Т. 2. С. 209–231.

Булкина 2011 — *Булкина И.* «Известная фамилия»: польский патриот граф Тадеуш Чацкий // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова.* Тарту, 2011. С. 250–265 (электронный ресурс: http://www.ruthenia.ru/Stud_Russica_XII/Bulkina.pdf, режим доступа — свободный); текст почти полностью воспроизведен также в: *Булкина И.* Польский патриот граф Чацкий и Чацкий из комедии Грибоедова // «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели : Коллективная монография. Тарту, 2012. С. 479–493 (электронный ресурс: http://www.ruthenia.ru/territoria_et_populi/texts/3.4.1.Bulkina.pdf, режим доступа — свободный).

Булкина 2012 — *Булкина И.* Борьба за «русскую» Малороссию при Николае I // «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели : Коллективная монография. Тарту, 2012 С. 71–90.

Бутовский 1809 — *Бутовский М. П.* Грамматика российского языка в пользу польского юношества в Волынской гимназии = *Gramatyka języka rosyjskiego dla użytku młodzieży polskiej w Gymnazyum Wołyńskiem.* Poczajów, 1809.

(электронный ресурс: <http://arch.rgdb.ru/xmlui/handle/123456789/33531#page/0/mode/2up>, режим доступа — свободный).

Джаман 1999 — *Джаман Т. В.* Розвиток народної освіти на Волині (XVIII–XIX ст.). Автореферат ... к.п.н. Тернопіль, 1999.

Єфремов 1918 — *Єфремов С.* Масонство на Україні // Наше минуле: журнал історії, літератури і культури. Число 3. Київ, 1918.

Єфремов 1926 — *Єфремов С.* От легенди до історичної правди (місцеве підґрунтя в декабристському рухові) // Декабристи на Україні: збірник праць комісії для дослідів громадських течій на Україні / За ред. С. Єфремова і В. Міяковського. Київ, 1926. С. 1–11.

Живов 1996 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Ісаєвич 2011 — *Ісаєвич Я.* Книговидання і друкарство в Почаєві: ініціатори та виконавці // Друкарня Почаївського успенського монастиря та її стародруки. Київ, 2011.

Капеллер 1997 — *Капеллер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 130–140.

Книги 1971 — Книги громадянського друку, видані на Україні. XVIII — перша половина XIX ст. / Каталог. Склав С. Й. Петров. Харків, 1971.

Кузнець 2000 — *Кузнець Т. В.* До історії освіти на Уманщині (XVIII — початок XIX ст.). Київ, 2000.

Лось 2013 — *Лось В.* Уніатська церква на Правобережній Україні наприкінці XVIII — першій половині XIX ст.: організаційна структура та культурно-релігійний аспект. Київ, 2013.

Миллер 1997 — *Миллер А. И.* Россия и русификация Украины в XIX веке // Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 145–155.

Михальчук 1914 — *Михальчук К. П.* Из украинского былого // Украинская жизнь. Кн. VII–X. 1914.

Носов 2004 — *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой, 1756–1768 г. М., 2004.

Описание 1863 — Историческое описание Винницы, уездного города Подольской губернии // Прибавление к Подольским епархиальным ведомостям. Каменец-Подольский, 1863. № 8. Часть неофициальная.

Описание 1875 — Историко-статистическое описание г. Бара // Подольские епархиальные ведомости. 1875. № 17. С. 502–512.

Остапчук 2005 — *Остапчук О. А.* Изменение государственных границ как фактор формирования языковой ситуации на Правобережной Украине в конце XVIII — первой половине XIX в. // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 53–93. (см. также сайт www.empires.ru).

Остапчук 2010 — *Остапчук О.* Мовні шати пропаганди: відозви польських повстанців до мешканців України під час повстань 1830–31, 1848 рр. (тексти та лінгвістичний коментар) // *Slavia Orientalis*. Т. LIX. № 4. S. 511–546.

Отрывок 1867 — Отрывок из донесения Министру народного просвещения о путешествии по славянским странам, 1839 // Польской вопрос. Собрание разсуждений, записок и замечаний М. П. Погодина. 1831–1867. М., 1867.

Отчет 1898 — Отчет попечителя Виленского учебного округа за 1806 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. 1805–1807. СПб., 1898. Т. 3: Учебные заведения в западных губерниях.

Очерки 1973 — Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII — первая половина XIX в. М., 1973.

Памятная книга 1859 — Памятная книга Подольской губернии на 1859 год, изданная редакцией Подольских губернских ведомостей. Каменец-Подольск, 1859. (электронный ресурс: http://chigirin.narod.ru/podolia1859_1.pdf, режим доступа — свободный).

Петров 1956 — *Петров С. О.* Книги гражданской печати XVIII в. (Каталог книг, хранящихся в государственной публичной библиотеке Украинской ССР). Киев, 1956.

Плющ 1971 — *Плющ П. П.* Історія української літературної мови. Київ, 1971.
Подолія 1891 — Подолія. Историческое описание. СПб., 1891.

Свербигуз 1999 — *Свербигуз В.* Старосвітське панство. Варшава, 1999.

Сергієнко 1971 — *Сергієнко Г. Я.* Суспільно-політичний рух на Україні після повстання декабристів. Київ, 1971.

Подольские типографии 1903 — Подольские типографии и издания // Подольские епархиальные ведомости. 1903. № 46. 15 ноября. С. 1379–1387.

Шип 1991 — *Шип Н. А.* Интеллигенция на Украине. Историко-социологический очерк. Київ, 1991.

Щурат 1968 — *Щурат С. В.* Про зв'язки Т. Падури з декабристами // Український історичний журнал. 1968. № 11. С. 80–85.

Beauvois 1991 — *Beauvois D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832. Lublin, 1991. Т. II. Szkoły podstawowe i srednie.

Bieliński 1899–1900 — *Bieliński I.* Uniwersytet Wileński. Т. 3. Kraków, 1899–1900.

Epszstein 2005 — *Epszstein T.* Z piórem i paletą; zainteresowania intelektualne i artystyczne ziemiaństwa polskiego na Ukrainie w II połowie XIX. Warszawa, 2005.

Franko 1892 — *Franko I.* Charakterystyka literatury ruskiej XVI–XVIII w. // Kwartalnik Historyczny. 1892. Т. VI.

Getka 2012 — *Getka J.* Prosta mowa końca XVIII w. Język «Nauk Parafialnych» (Poczajów, 1974). Warszawa, 2012.

Goszczyński 1924 — *Goszczyński S.* Podróż mojego życia: urywki wspomnień i zapiski do pamiętnika. 1801–1842 / Wyd. St. Pigoń. Wilno, 1924.

Helleniusz 1876 — *Helleniusz (E.-A. Iwanowski).* Wspomnienia lat minionych. Т. II. Kraków. 1876.

Jelowicki 1970 — *Jelowicki A.* Moje wspomnienia. Warszawa, 1970.

О życiu 1874 — О życiu і пismach Тymka Падуры // Pyśma Тymka Падуры. Wydanie posmertne z awtohafiw. Lwiw, 1874.

Ostapczuk 2001 — *Ostapczuk O.* Naleciałości regionalne w «Dzienniku codziennych wydarzeń w Gimnazjum Podolskim» z pierwszej połowy XIX wieku // Studia nad polszczyzną kresową. Т. X. Warszawa, 2001. S. 277–285.

Пісні 1980 — Пісні Antoniego Szaszkiewicza wraz z jego życiorysem wydał St. Buszczyński. Kraków, 1890.

Prusinowski 1861 — *Prusinowski J.* Grzegorz i Kajetan Widortowie, śpiewacy-teorbaniści na Wołyniu // Tygodnik ilustrowany. 1861. T. II. №87. S. 192–195.

Thaden 1984 — *Thaden E. C.* Russia's Western Borderlands, 1710–1870. Princeton, 1984.

Tretiak 1911 — *Tretiak J.* Bohdan Zaleski. Do upadku powstania listopadowego. 1802–1831. Życie i poezya. Karta z dziejów romantyzmu polskiego. Kraków, 1911.

Velychenko 1992 — *Velychenko S.* National History as Cultural Process. A survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914.

Zasztowt 1997 — *Zasztowt L.* Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich (od 1795 roku) // Historia i współczesność języka polskiego na Kresach Wschodnich. Warszawa, 1997. S. 203–298.